

На следующее утро Янь Ваньчжоу нарочно сделал крюк и заглянул на малую кухню.

Утренний туман еще не рассеялся, а над очагами уже поднимались клубы пара и дыма, среди которых смутно виднелись хлопочущие фигуры.

— Пойду наберу воды во дворе, а ты пригляди за котлом, не забудь!

— Ладно-ладно, гляну.

— Не ставь сюда специи, мне тут еще тесто выстаивать!

Из кухни то и дело доносились обрывки разговоров.

Тетушка Ван, засучив рукава, месила тесто. Подняв взгляд, она заметила у двери человека с небольшой бамбуковой корзинкой в руках.

Янь Ваньчжоу стоял против света в дверном проеме и тепло ей улыбался.

— Сяо Янь? — Обрадовалась тетушка Ван. Она поспешно отложила тесто и хотела ополоснуть руки, но от неловкости задела стоявшие рядом склянки.

Видя ее суматоху, Янь Ваньчжоу тут же шагнул вперед, привычно принялся помогать и расставил опрокинутые баночки по местам.

— Если вы сейчас заняты, я могу зайти позже.

— Ой, да что ты такое говоришь, вовсе я не занята, — простодушно улыбнулась тетушка Ван. Только теперь она заметила перемены в его облике и обо всем догадалась:

— Милое дитя, эта одежда... неужели... наконец-то твои мучения закончились!

Ее огрубевшие пальцы потянулись к добротной новой ткани, но так и не осмелились прикоснуться.

Янь Ваньчжоу поджал губы и снова мягко улыбнулся:

— Это все благодаря вашей прежней заботе, тетушка.

— Да какая там забота... В те годы Сюэхуань больше всего на свете переживала за тебя. — Тетушка Ван покачала головой: она не считала свою помощь мальчику чем-то особенным,

скорее корила себя за то, что уделяла ему слишком мало внимания.

Янь Ваньчжоу носил фамилию матери. Янь Сюэхуань отличалась кротким, но стойким нравом; мать и сын держались друг за друга в поместье Юй, пока безвременная смерть не унесла ее, оставив сироту в одиночестве терпеть бесчисленные невзгоды этого мира.

Тетушка Ван спохватилась, сняла с очага вареный початок кукурузы, сунула его юноше в руки и спросила:

— Значит, теперь ты при третьем молодом господине? Хотя у него и... непростой нрав, в детстве он был славным ребенком.

Янь Ваньчжоу не хотелось говорить ни о себе, ни слушать о Юй Юе.

Он вынул из корзинки вымытую пароварку и поставил на разделочный стол:

— Я пришел поблагодарить вас. Спасибо за вчерашнее угощение, тетушка. Мне очень понравилось.

Тетушка Ван опешила.

На ее морщинистом лице отразилось искреннее недоумение:

— Угощение? Но я вчера ничего тебе не передавала.

На кухне всегда хватало забот. Хотя она и краем уха слышала, что Янь Ваньчжоу перевели на новое место, времени навестить его так и не нашлось.

Рука юноши, расставлявшая баночки, замерла. Если это была не тетушка Ван, то кто же?

В глубине души мелькнула смутная догадка, но он тут же подавил ее, отказываясь верить.

На обратном пути из-за угла навстречу вышли несколько служанок с бельевыми корзинами. Заметив Янь Ваньчжоу, они захихикали, прикрывая рты ладонями.

— Это он... А с виду совсем еще юный.

— Тс-с! Он ведь теперь личный слуга третьего молодого господина...

Они толком не знали, что именно произошло, но весть о том, что его повысили до личного

слуги господина, уже разнеслась по усадьбе. Его положение в корне переменилось, да и одного этого красивого лица хватало, чтобы стать главной темой девичьих пересудов.

Янь Ваньчжоу нахмурился и прибавил шаг.

Эти любопытные, оценивающие взгляды кололи, точно иголки. Внезапное внимание тяготило его куда сильнее, чем прежнее время, когда все сторонились его как прокаженного.

Толкнув дверь своей комнаты во флигеле, он замер: на подоконнике ровным рядком стояли новенькие флаконы со снадобьем.

Откупорив крышку, он вдохнул знакомый травяной запах. Это была заживляющая мазь – в точности такая же, какую он использовал несколько дней назад.

... Лекарство, которое Юй Юй тогда насильно всучил ему, как раз почти подошло к концу.

Погрузившись в мысли, он задел что-то ногой. Янь Ваньчжоу опустил глаза и увидел на полу обрывок зеленой бусинной подвески с красной шелковой кистью на конце.

Он поднял вещицу и задумчиво потер в пальцах. Это не принадлежало ему.

... Это было украшение с венца третьего молодого господина, которое он видел на нем днем.

Догадка в груди обрела пугающую отчетливость.

Неужели все это... дело рук третьего молодого господина?

Повернувшись, Янь Ваньчжоу мельком глянул в зеркало и поразился: его вечно сжатые в тонкую полоску губы чуть заметно дрогнули, смягчившись.

В груди что-то дрогнуло. Он совершенно не понимал, чего добивается Юй Юй. На миг мелькнула предательская мысль: «А вдруг ему можно верить?» Но стоило этому порыву зародиться, как Янь Ваньчжоу судорожно стиснул фарфоровый флакон. Холод глазури тут же отрезвил его.

Он упрямо повторил себе: за этим наверняка кроется тайный умысел.

Но чего может желать от него благородный третий молодой господин?

У него ничего нет. Он не стоит таких изощренных трудов.

И все же... все же...

Если бы Юй Юй просто хотел заставить его плакать от благодарности, зачем делать все тайком? Куда проще было бы одарить его при всех.

Снес конюшню без лишних слов – но поселил в теплой новой комнате.

Запретил приходить на утреннюю службу – но лишь ради того, чтобы дать ему выспаться.

Третий молодой господин швырял в него камни, он же заставлял стоять на коленях, но в итоге... лекарства снова принес он.

Каждое действие противоречило здравому смыслу.

Янь Ваньчжоу с отвращением осознал собственную слабость. В такие минуты он казался себе бездомным псом, не знавшим ласки: стоило бросить ему жалкую кость, как он уже готов был униженно вилять хвостом вслед за хозяином.

Ему было противно это переменчивое благодушие Юй Юя, но еще противнее было собственное ничтожество, посмевшее надеяться на чудо.

Тяжело дыша, юноша грубо завернул флаконы в грубую холщовую ткань. Поколебавшись секунду, он не стал убирать подвеску в сверток, а спрятал ее под кровать.

От резких движений он чуть не опрокинул свечу на столе. Сперва Янь Ваньчжоу хотел просто выйти и выбросить мазь, но побоялся, что его заметят во дворе глубокой ночью.

К тому же... где-то в глубине души он не хотел, чтобы третий молодой господин узнал, что его подношение выбросили.

Под покровом темноты юноша присел на корточки в зарослях за флигелем и голыми руками принялся разрывать сырую землю.

Лишь когда сверток с мазью оказался надежно засыпан, он наконец смог перевести дыхание.

[Динь! Зафиксировано колебание показателя удачи главного героя. Текущая удача: с – 6 до – 7]

«Что-о-о-о?!»

Юй Юй чуть не захлебнулся водой.

Он принялся яростно отчитывать Систему в мыслях: «Что это значит?! С чего она опять упала на единицу?!»

[Я и сама не знаю, Хозяин, – растерялась Система. — Вообще-то вы один из самых смысленных носителей, что мне встречались, но почему-то удача главного героя упорно не хочет расти.]

Юй Юй устало вздохнул: «... А может, дело в том, что главный герой просто невероятно проблемный?»

Система напряженно задумалась: [А вдруг... главный герой на самом деле терпеть не может подарки? Может, попробуем пока ничего ему не дарить?]

Юй Юй прокрутил в голове события последних двух дней: пожалуй, он действительно зачастил с подношениями, но не настолько же, чтобы вызвать отвращение... Булочки с крабом – ладно, но раны-то у Янь Ваньчжоу еще не зажили! Заживляющая мазь была предметом первой необходимости. Он ведь только что тайком лез через окно, чуть шею себе не свернул, чтобы ее подбросить!

И в итоге выясняется, что этот паршивец просто ненавидит подарки!

Вот уж точно: сам себе выдумал страдания на ровном месте!

Юй Юй упал на кровать и решил пока пустить все на самотек.

<http://bllate.org/book/21541/2215398>